

УДК 111.5

Гончаренко**Марк Васильевич,**

доктор философских наук,
доцент кафедры социальных
коммуникаций Школы
инженерного
предпринимательства
Национального
исследовательского
Томского политехнического
университета,
Россия, 634050, г. Томск,
пр. Ленина, 30.
E-mail: markgon73@rambler.ru

Гончаренко**Валентина Николаевна,**

кандидат филологических
наук, доцент кафедры
гуманитарных
и естественно-научных
дисциплин Томского
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации,
Россия, 634050, г. Томск,
пр. Ленина, 99.
E-mail: albaregia1960@mail.ru

МЕТАФИЗИКА ПЛАТОНА И СМЫСЛОВОЙ РЕЛЯТИВИЗМ PLATO'S METAPHYSICS AND SEMANTIC RELATIVISM

М.В. Гончаренко, В.Н. Гончаренко
M.V. Goncharenko, V.N. Goncharenko

Томский политехнический университет, Россия
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Россия
Tomsk Polytechnic University, Russia
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Russia
E-mail: markgon73@rambler.ru

Актуальность исследования состоит в рассмотрении некоторых аспектов феномена релятивизма (в том числе и социокультурного), который продолжает оставаться значимым более двух с половиной тысяч лет в истории философии и науки и периодически вызывает бурные дискуссии относительно своего основания и своей правомерности. **Целью** работы является анализ тезиса, в соответствии с которым смысловой релятивизм может быть преодолен платоновской концепцией идей. В связи с этим **объектом** исследования является влияние концепции идеальных сущностей Платона на представления аналитической философии об образовании понятий. Поскольку концепция идей Платона, безусловно, предопределила развитие философского анализа в целом, проблема релятивизма не может быть внешней по отношению к архитектонике философского анализа в рамках исторического платонизма. **Методами** исследования являются: метод историко-философского анализа, метод эпистемологической экспликации. В результате сформулировано предположение о том, что многомерность смысла является реальным основанием релятивизма, и поэтому релятивизация смысла, знания и культуры обусловлена параллелизмом платоновских миров: идей самих по себе и миром материальных сущностей.

за, метод эпистемологической экспликации. В результате сформулировано предположение о том, что многомерность смысла является реальным основанием релятивизма, и поэтому релятивизация смысла, знания и культуры обусловлена параллелизмом платоновских миров: идей самих по себе и миром материальных сущностей.

Ключевые слова: идея, семантическая структура, релятивизм, априорность, понимание, многомерность смысла.

The relevance of the study is in consideration of some aspects of the phenomenon of relativism (including sociocultural), which is still significant for more than two and a half thousand years in the history of philosophy and the history of science, and periodically raises heated discussions about its foundation and its legitimacy. **The aim** of the paper is to analyze the thesis, which states that semantic relativism can be overcome by Plato's ideas concept. Therefore, the concept of Plato's ideal essences influences the views of analytic philosophy about a notion creation becomes an object of study. But as the concept of Plato's ideas, by no means, predetermined the development of philosophical analysis in common, insofar the relativism problem can't be «external» towards the architectonic of philosophical analysis in the frames of historical platonism. **The methods** of the study are: the method of historical and philosophical analysis, the method of epistemological explication. The authors have stated the assumption that sense multidimensionality is a real relativism basis and that's why relativisation of sense, knowledge and culture is determined by parallelism of Plato's worlds: ideas themselves and the material essences world.

Key words: idea, semantic structure, relativism, apriority, comprehension, sense multidimensionality.

Может быть, мы понапрасну говорим об
умопостигаемой идее каждой вещи, и идея
эта не более чем слово?

Plato «Timaeus»

В современной философской литературе [1] установилась традиция, в соответствии с которой принято считать, что возвращение к платоновской концепции происходит именно тогда, когда социокультурная традиция разрушается смысловым релятивизмом. Это положение в том или ином виде продолжает сохранять свою актуальность и в исследованиях последнего времени [2–5 и др.]. Данная традиция является свидетельством, во-первых, некоего страха перед релятивизмом как культурным феноменом; во-вторых, она указывает на невозможность преодоления этого феномена, поскольку апеллирует к концепции, во многом обусловившей когнитивную схему, в соответствии с которой как раз умопостигаемая сущность вещи структурирует множество эпистемологически возможных вариантов этой вещи. Эта традиция является и своеобразным методологическим посылом, способствующим рассмотрению сформулированной выше проблемы. С этой точки зрения также особый интерес вызывает ещё одно рассуждение К.-О. Апеля [1] по поводу тезиса М. Хайдеггера, опровержение которого он считает маловероятным. В соответствии с данным тезисом европейская метафизика, начиная с философии Платона, поглощена логикой предметно-конкретного мышления, что и обеспечило ей сверхдостижения в области техносферы. Таким образом, с одной стороны, утверждается предопределённость логики предметного мышления метафизикой Платона (а значит, и определённая новоевропейская заикленность на технологической продвинутой как единственно возможном *прогрессивном принципе*); с другой стороны, утверждается, что угроза смыслового релятивизма приводит к актуализации концепции вечных сущностей Платона. Данные утверждения по меньшей мере достаточно сильно напоминают ситуацию герменевтического круга, потому что сначала метафизика (возможно, её *творческое* развитие) приводит к становлению различного рода технического догматизма, который в конечном итоге обуславливает всеобщий смысловой релятивизм, что само собой возвращает субъект познания к актуализации платоновской концепции вечных сущностей с целью *самосохранения*, так как релятивизм угрожает поглощением возможности самой индивидуации. Исходя из этого, можно предположить следующее: концепция идей (ἰδέα) Платона как умопостигаемых прообразов вещей, безусловно, является концепцией, определённым образом предопределившей становление и развитие философского анализа в целом (в одной из своих работ К. Поппер отметил, что, по замечанию Уайтхеда, западная философия – это примечания к Платону [6], и именно это обстоятельство указывает на то, что проблема релятивизма не может быть «внешней» по отношению к архитектонике философского анализа в рамках исторического платонизма [7]. Таким образом, объектом анализа является влияние концепции идеальных сущностей Платона на представления аналитической философии об образовании понятий.

Действительно, анализ различных систем представлений, а также принципов, их организующих, представляется весьма неоднозначным, если не учитывать роль и значение обыденного языка в процессе конституирования мира. Поскольку за последнее столетие философия языка сконцентрировала своё внимание на семантико-синтаксическо-прагматическом аспекте формального языка, отказав обыденному языку в праве на анализ, постольку автору данной статьи показалось крайне интересным проанализировать вслед за К.-О. Апелем проблематику выявления/понимания формы в контексте

обыденного языка, и в связи с этим рассмотреть вопрос относительно предопределённости экстраполяции знания экзистенциальностью дискурса. Итак, К.-О. Апель [1] утверждает следующее относительно схемы отношений/взаимодействия «язык–мир»: перманентные попытки сделать язык подконтрольным с точки зрения точных методов анализа приводят нас к тому, что реальная языковая «действительность» исчезает в процессе её формализации. Другими словами, в конструируемом языке этой языковой «действительности» больше нет, но она снова появляется уже в конструируемом языке в качестве «метаязыка». Поэтому основополагающим «метаязыком» является как раз «обыденный язык», который не подвластен методическому контролю в полном смысле. Другими словами, язык как средство выражения или конструирования мира, определяясь миром, определяет мир. Парадоксальность последнего предположения ни в коей мере не превышает степени парадоксальности предположения о том, что априорное может быть темой мышления [1], так как схема, предполагающая нечто в качестве а priori, конституируется в дальнейшем этим а priori. Если К.-О. Апель рассматривает язык как средство обозначения смысловой структуры мира (данное предположение контекстуально с точки зрения тезиса Л. Витгенштейна: «Мир – это факты в логическом пространстве» [8]), то возникает вопрос о собственно структуре мира, то есть о том, как последняя соотносится со схемами, её репрезентирующими? Учитывая, что априорное является или может являться темой мышления, структура мира (то есть не только смыслы данной структуры) тоже может быть объектом мышления, но, как и в случае с априорностью, исключительно только посредством языка как средства обозначения смысловой структуры мира. Следовательно, схемы, репрезентирующие структуру мира, – это такие прафеномены, конституирование которых определяется не только исторически (потому что субъект познания всегда историчен), но и онтологически (субъект познания предопределён не только априорно, но и апостериорно с эпистемологической точки зрения). Именно поэтому мы не можем аргументированно отрицать того, что синхрония схем мифологического, религиозного, научного миропонимания непрерывно сопровождает субъект познания.

В контексте предложенного подхода к концепции Платона обратимся к тезису Л. Витгенштейна [9], в соответствии с которым граница эмпирии – это образование понятий, поэтому субъект познания всего лишь приспособливает своё мышление к опыту. Другими словами, если вернуться к предположению Платона [10] об идее, которая, кроме как словом, более ничем не является, возникает вопрос о самой возможности «образования понятий», впрочем, как и идей. Дело в том, что указанное Л. Витгенштейном *пограничье* не обладает качеством самодостаточности, но, по сути, является точкой «перехода» или элементом инструментария, посредством которого конституируется Мир. Однако об этом процессе конституирования на основании наших представлений о *пограничье* нам ничего не известно. Положение Л. Витгенштейна [9] об образовании понятий и невозможности реконструкции данного процесса в каком-то смысле является иллюстрацией одного из афоризмов Трактата, в соответствии с которым мир – это факты в логическом пространстве, хотя само логическое пространство никоим образом не элиминирует дальнейшие вопросы.

Учитывая утверждение Платона [10] о том, что ежели какая-то вещь представляется по-разному (то так, то эдак), но при этом ни первое, ни второе друг друга не обуславливает, то следует полагать, что вещь эта одновременно является и единой, и раздельной, приходится признать, что единство/раздельность вещи – это не переменное её состояние, а её сущностное качество. В таком случае допустимо следующее предположение: образование понятий, как определённое следствие эмпирии, очевидно, соотнесено с сущност-

ным качеством вещи, указанным Платоном. Во-первых, потому что понятие приспосабливается к опыту [9]; во-вторых, потому что понятие в каком-то смысле является трансляцией феномена эмерджентности, которая определяет возможность того или иного качества для того или иного объекта при определённом положении вещей.

В контексте сформулированных предположений, возвращаясь к проблеме взаимосвязи актуальности смыслового релятивизма и концепции Платона, хотелось бы более детально остановиться на анализе аргументов, предопределяющих подобные выводы. Прежде всего, здесь следует уделить внимание вопросу взаимоотношений языка и «смысловой структуры мира» (К.-О. Апель). Аргументация К.-О. Апеля [1] в следующем: в этом случае необходимо признать, что язык является вторичным инструментом обозначения и выражения того, что вне времени является смысловой структурой мира; именно поэтому то, что наука девятнадцатого века определяла как единственную действительность (психофизическая реальность, которая и объясняла смысловое содержание), теперь с точки зрения конституции смысла мира представляется вторичной и внешней. Весьма значимой здесь может оказаться параллель с утверждением/вопросом Л. Витгенштейна [9] о возможности описания основ нашего языка посредством эмпирических предложений. Как бы то ни было, но в данном рассуждении мы сталкиваемся с утверждением вторичности языковой структуры по отношению к смысловой. Из чего следует, что гипостазирование смысловой структуре мира субстанциального качества приводит к следующему: с одной стороны, к парадоксальности, так как актуализирует невозможность не-высказываемого, а с другой – к замкнутому кругу, что объясняется психологизмом познающего субъекта, который пытается посредством известного (языка) определить неизвестное (смысловую структуру мира), тем самым лишая последнее самой его сущности [1]. Другими словами, определение не-известного посредством известного – констатация представления желаемого действительным.

Возвращаясь к вопросу о возможной взаимосвязи релятивизма и концепции вечных сущностей Платона, необходимо обратить внимание также и на те средства, к которым прибегает философия языка, определяя условия следования правилу. Например, следование правилу того, как определённая интерпретация, обусловленная конкретным действием, по П.М.С. Хакеру [11], представляется достаточно интересной в семантико-прагматическом аспекте, так как свидетельствует о наличии связи между знаком и действием. В этом случае объектом исследования вновь становится механизм формирования значимости смысла.

Обратимся к VII письму Платона [12], в котором философ утверждает, что для каждого существующего предмета есть три ступени его познания. Само знание является четвёртой ступенью. Что же касается пятой ступени, то это всё то, что познаётся само по себе и является подлинным знанием. Следовательно, имя является первой ступенью познания, определение – второй, изображение – третья ступень познания, а собственно знание – четвёртая. Далее Платон обращается к конкретному примеру – кругу. Итак, то, что мы произносим («круг») – это имя. Определение его состоит из существительных и глаголов, поэтому когда мы говорим о том, крайние точки чего равноудалены от центра, то фактически используем определение круга (круглого, окружности и др.). Что касается изображения (третья ступень познания), то это то, что может быть нарисовано, стёрто и т. д. И тем не менее сам круг ко всему этому не имеет отношения, так как является совсем другим. И четвёртая ступень познания является как раз познанием и пониманием этого другого. Хотя все ступени познания в совокупности и представляются чем-то единым, потому что существуют в душах. Именно это позволяет понять, что познание – нечто другое, чем круг сам по себе и три ступени его познания.

Итог размышлений философа: понимание наиболее приближено к пятой ступени познания, а всё остальное достаточно сильно от неё удалено. Безусловно, ступени знания, названные Платоном, указывают на несоотнесенность знания и познаваемого; однако при всей этой несоотнесенности Платон утверждает существование знания, а значит, он констатирует и наличие связи между знаком и означаемым (подобная мысль недавно была рассмотрена в одной из работ Н. Clatterbuck [13] в аспекте соотношения индукции/дедукции с платоновскими мирами. Помимо этого, проблема приоритетности мудрости по отношению к знанию достаточно интересно представлена в работе Sharon Ryan «Wisdom, Knowledge and Rationality» [14]).

Возникает вопрос, как указанные выше утверждения Платона могут быть связаны с проблемой следования правилу. В этой связи, прежде всего, остановимся на том, что концептуальный аспект видения Платона однозначно указывает на значимость феномена референтности: отношение между предметом и его именем – это весомый аргумент в системе отношений «субъект познания – объект познания». В данном случае достаточно интересным будет следующее рассуждение В. Суровцева и В. Ладова [15]: представим себе такого субъекта познания, для которого в силу определённых обстоятельств нет доступа к объективному миру (то есть представим себе так называемые «мозги в бочке»); исходя из этого, можно предположить, что структура языка данного субъекта познания исключает возможность построения высказываний, имеющих референцию. В связи с чем возникает вопрос: может ли для данного субъекта познания быть актуальным высказывание «Мы – мозги в бочке»? Скорее всего, нет, так как «мозги в бочке» не могут производить референциальные высказывания. Следовательно, данная ситуация эпистемически недопустима. Тем не менее данный аргумент никак не проливает свет на механизм сигнификации, то есть область смыслового содержания языковой единицы приобретает своё конкретное качество на основании того, что Платон обозначил как понимание другого (четвёртая ступень), того, что не имеет отношения к первым трём ступеням, хотя без них было бы невозможным. По нашему мнению, именно такое распределение значимости и взаимообусловленности четырёх ступеней познания предопределяет феномен релятивизации смысла и знания.

Если исходить из данного предположения, то интерсубъективность, обуславливающая как феномен понимания, так и феномен исторической общезначимости теоретических построений, обладает вариативной природой как раз на основании релятивизации смысла. Но какое это отношение (релятивизация) имеет к пятой ступени и как эта пятая ступень соотносится со смысловой структурой мира?

В этом случае имело бы смысл допустить предположение о том, что смысловая структура мира и пятая ступень наиболее *родственны* в силу того, что непосредственно относятся к процессу понимания. Но мы не можем этого сделать, потому что понимание – это функция субъекта познания, а из рассуждения Платона никак не следует, что по отношению к пятой ступени субъект познания обладает пониманием. Очевидно, всё-таки феномен смысловой структуры мира следует рассматривать в контексте когнитивного континуума. Другими словами, пятая ступень, обладая некоторыми качествами, обуславливает конституирование смысловой структуры мира, в том числе, и посредством остальных четырёх ступеней.

Здесь будет своевременно обратиться к проблеме, сформулированной следующим образом Дж. Катцем [16]. Он утверждает, что чаще всего объединяют два разных смысла понятия «психологический», то есть игнорируют между ними различие, которое связано с противопоставлением *языковой компетенции* говорящего, имея в виду то, что последний знает о структуре своего языка, и *реального языкового употребления*. Дело в том, что языковую компетенцию объясняет именно языковая теория, а не языковое

употребление, так как именно последняя может реконструировать логическую структуру тех правил, которыми и владеет говорящий. Но, наряду с этим, теория языкового употребления норовит определить роль и значение всех тех факторов, которые пребывают во взаимодействии в связи с целью создания реальной человеческой речи в её многочисленных вариациях, иногда весьма отдалённых от идеальных языковых форм.

Невзирая на то, что Дж. Катц при анализе языкового употребления преимущественно апеллирует к психологическим факторам, можно утверждать, что факторы, определяющие вариативность речи (следовательно, и языка), не могут быть ограничены исключительно какой-то конкретной известной нам сферой. Таким образом, психологические, этнические, традиционные, этические, эстетические, эпистемологические, логические и другие факторы, – это всего лишь элементы некой глобальной классификации, которые в той или иной мере способствуют самой возможности *конкретного* языкового употребления посредством актуальности его смысловой структуры. Другими словами то, что мы обозначили как некие элементы классификации, используемой нами при контекстуальном анализе языкового употребления, является основанием *осуществления* той или иной смысловой структуры. Следовательно, языковое употребление это в какой-то степени и актуализация конкретной смысловой структуры мира.

Обратимся к «Пармениду» Платона [17], где утверждается следующее. Поскольку все идеи есть то, чем они являются, исключительно в отношении друг к другу, то только в этом отношении они и обладают сущностью, а не в отношении к тем их подобиям, которые пребывают в нас. И только на основании причастности этим идеям (посредством их подобий) мы и называемся так или иначе. Однако далее Платон приходит к такому заключению: пребывающие в нас подобия, одноимённые с идеями, проявляют свою сущность также исключительно в отношении друг к другу, а не в отношении идей. Иными словами, данные подобия определяют свою отдельную область, не входя в число одноимённых им идей. Судя по всему, необходимо признать, что, с одной стороны, сущность идей определяется фактором эмерджентности, так как только в композиции они проявляют свою сущность, но, с другой стороны, этот фактор не допускает отождествления сути идей самих по себе и сути идей для нас. И, по всей вероятности, именно причастность идеям, указанным Платоном, делает возможным для нас в качестве предмета мышления идею, по отношению к которой наше представление является подобием (собственно, именно данное подобие и указывает на параллелизм структур, его порождающих: идей самих по себе и идей для нас). Поэтому, возвращаясь к проблеме смысловой структуры мира, резонно предположить, что последняя как раз обусловлена *подобием*, а не сущностью.

Для того чтобы проанализировать соотношение и взаимообусловленность смысловой структуры мира и фактора внеязыковой действительности, обратимся к следующему рассуждению К.-О. Апеля [1]. Он полагает, что именно для греческого языка необыкновенно удачно (за счёт артикля *τό*) определилось представление сферы смысла как истинно сущего (*ὄντως ὄν*), и возможно именно это стало основанием того, чтобы субъект познания смог сделать априорное темой мышления, к которому таким образом уже была применена категориальная схема сущего, встречающегося внутри мира. Итак, мы видим, что смысл в силу определённого стечения обстоятельств, обладая качеством истинно сущего, определил возможный объект исследования. Этим объектом является априорность. Здесь, конечно, сразу вспоминается вопрос Б. Рассела относительно возможности априорных синтетических суждений у И. Канта. Однако, может, именно логика рассуждения И. Канта здесь как раз и является значимой [18].

Следовательно, априорность, предполагающая отсутствие у знаний опытной зависимости, является констатацией приоритетности такого рода знаний. И только в та-

ком случае знание достоверно. Иными словами, мы получаем следующее: если смысл обладает причастностью к истинно сущему, то он и обладает качеством априорности, так как смысл опытно не обусловлен. По мысли В. Целищева [19], принимая во внимание, что центральная проблема теории идей Платона сводится к совмещению существования мира идеальных объектов и мира несовершенных материальных объектов, а в случае с математическим платонизмом – это проблема применимости математики к реальности, можно предположить, что априорность смысла может быть таковой либо за счёт прагматического характера самой априорности, либо за счёт феномена многомерности смысла. Первый случай (прагматическое априори) – следствие конвенционализма. Второй случай (многомерность смысла) – констатация не-тождества сущего и бытия сущего и «категориальная схема сущего, встречающегося внутри мира» – это основание, определяющее многомерность смысла.

Заключение

Таким образом, мы пришли к следующим результатам: многомерность смысла – это реальное основание релятивизма (в том числе, и социокультурного). Поскольку же было сформулировано предположение о том, что феномен многомерности смысла определяется априорной природой самого смысла, постольку необходимо рассмотреть вопрос и о возможности трансцендентности смысла, а значит и знания. В этой связи приведём следующее утверждение К.-О. Апеля [1]: сущее не может быть встречено субъектом познания как факт, который ранее уже не был бы им априори понят в соответствии с его бытием. Из данного утверждения следует, что априорность бытия обладает двойственной природой, так как факт этого бытия сам по себе приобретает актуальность для нас только тогда, когда это для нас возможно. Более того, фактичность (здесь имеется в виду *фактичность* как всеохватывающая реальность, по М. Хайдеггеру) бытия, обладает вариативным набором, что не может быть не связано с многомерностью смысла. Возвращаясь к трансцендентности смысла, следует отметить и то, что, по М. Хайдеггеру, именно трансценденция делает возможным экзистенцию [20]. Поэтому трансцендентность, обуславливая основоструктуру «субъективности» [20], является той формой, которая делает возможным субъектную рефлексию в отношении априорного.

Именно априорное в качестве объекта рефлексии обуславливает многомерность смысла, а следовательно, и вариативность смысловой структуры мира. Релятивизация смысла, знания, культуры как раз обусловлена параллелизмом платоновских миров: идей самих по себе и миром материальных сущностей. Таким образом, возвращаясь к исходному тезису о том, что платоновская метафизика периодически помогает в преодолении смыслового релятивизма, мы видим, что положение дел, связанное с *релятивизацией* смысла/знания, выглядит ровным образом наоборот. Однако данная противоположность не является свидетельством релятивизма «без границ»: дело в том, что она свидетельствует о цикличности релятивизации смысла. Другими словами, релятивизация смысла ограничена, но перманентно циклична.

Список литературы

1. Apel Karl-Otto. Transformation der Philosophie. – Frankfurt na. M.: Suhrkamp, 1988. – 340 p.
2. McAuliffe G.J., Milliken T.F. Promoting Cultural Relativism in Counselors through the Cultural De-Centering Model // International Journal for the Advancement of Counselling. – 2009. – V. 31. – Iss. 2. – P. 118–129.
3. Blumenson E. Cultural Relativism / Encyclopedia of Global Justice. – Stanford: Springer, 2011. – P. 223–225.
4. Eng S. Definitions. Analysis of Dis/agreement – with particular reference to Law and Legal Theory // Law and Philosophy Library. – 2003. – V. 66. – P. 56–269.

5. Becker Arenhart Jonas R., Bueno Otávio. Structural realism and the nature of structure // *European Journal for Philosophy of Science* January. – 2015. – V. 5. – Iss. 1. – P. 111–139.
6. Popper K.R. *The Logic of Scientific Discovery*. – London; New York: Psychology Press, 2002. – 513 p.
7. Гончаренко М.В. К.-О. Апел: экстраполяция знания в аспекте экзистенциальности дискурса // *Философия науки*. – 2014. – № 4. – С. 32–40.
8. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. – New York: Cosimo, 2007. – 116 p.
9. Wittgenstein L. *Remarks on the Foundation of Mathematics*. – Oxford: Basil Blackwell, 1978. – 444 p.
10. Plato. *Timaeus*. – Saarbrücken: VDM Publ., 2011. – 76 p.
11. Baker G.P., Hacker P.M.S. *Wittgenstein: Understanding and Meaning*. – Oxford: Blackwell, 1980. – 424 p.
12. Plato. *The Seventh Letter*. – Oxford: Netlancers Inc, 2014. – 34 p.
13. Clatterbuck H. The epistemology of thought experiments: a non-eliminativist, non-platonic account // *European Journal for Philosophy of Science*. – 2013. – V. 3. – Iss. 3. – P. 309–329.
14. Sharon R. Wisdom, Knowledge and Rationality // *Acta Analytica*. – 2012. – V. 27. – Iss. 2. – P. 99–112.
15. Суровцев В.А., Ладов В.А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. – Томск: Изд-во ТГУ, 2008. – 134 с.
16. Katz J.J. The philosophical relevance of linguistic theory // *The Linguistic Turn* / ed. by R. Rorty. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1967. – P. 340–355.
17. Plato. *Parmenides*. – California: University of California Press Berkley and Los Angelis; London, England: University of California Press, Ltd, 2003. – 193 p.
18. Russell B. *A History of Western Philosophy*. – New York: Simon and Schuster, 1967. – 895 p.
19. Целищев В.В. Платонизм в математике // *ΣΧΟΛΗ*. – 2014. – Т. 8. – Вып. 2. – С. 492–504.
20. Heidegger M. *Wegmarken*. – Frankfurt am Main: Klostermann, 1976. – P. 123–175.

References

1. Apel Karl-Otto. *Transformation der Philosophie*. Frankfurt na. M., Suhrkamp, 1988. 340 p.
2. McAuliffe G.J., Milliken T.F. Promoting Cultural Relativism in Counselors through the Cultural De-Centering Model. *International Journal for the Advancement of Counselling*, 2009, vol. 31, Iss. 2, pp. 118–129.
3. Blumenson E. *Cultural Relativism. Encyclopedia of Global Justice*. Stanford, Springer, Suffolk University Law School Research, 2011. pp. 223–225.
4. Eng S. Definitions. Analysis of Dis/agreement – with particular reference to Law and Legal Theory. *Law and Philosophy Library*, 2003, vol. 66, pp. 56–269.
5. Becker Arenhart Jonas R., Bueno Otávio. Structural realism and the nature of structure. *European Journal for Philosophy of Science*, 2015, vol. 5, Iss. 1, pp. 111–139.
6. Popper K.R. *The Logic of Scientific Discovery*. London; New York, Psychology Press, 2002. 513 p.
7. Goncharenko M.V. K.-O. Apel: ekstrapolyatsiya znaniya v aspekte ekzistentsialnosti diskursa [K.-O. Apel: extrapolation of knowledge in the aspect of existentiality of discourse]. *Filosofiya nauki*, 2014, no. 4, pp. 32–40.
8. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. New York, Cosimo, 2007. 116 p.
9. Wittgenstein L. *Remarks on the Foundation of Mathematics*. Oxford, Basil Blackwell, 1978. 444 p.
10. Plato. *Timaeus*. Saarbrücken, VDM Publ., 2011. 76 p.
11. Baker G.P., Hacker P.M.S. *Wittgenstein: Understanding and Meaning*. Oxford, Blackwell, 1980. 424 p.
12. Plato. *The Seventh Letter*. Oxford, Netlancers Inc, 2014. 34 p.
13. Clatterbuck H. The epistemology of thought experiments: a non-eliminativist, non-platonic account. *European Journal for Philosophy of Science*, 2013, vol. 3, Iss. 3, pp. 309–329.
14. Sharon R. Wisdom, Knowledge and Rationality. *Acta Analytica*, 2012, vol. 27, Iss. 2, pp. 99–112.
15. Surovtsev V.A., Ladov V.A. *Vitgenshteyn i Kripke: sledovanie pravilu, skepticheskiy argument i tochka zreniya soobshchestva* [Wittgenstein and Kripke: obeying the rule, incredulous argument and point of view of the community]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2008. 134 p.
16. Katz J.J. The philosophical relevance of linguistic theory. *The Linguistic Turn*. Ed. by R. Rorty. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1967. pp. 340–355.
17. Plato. *Parmenides*. California, University of California Press Berkley and Los Angelis; London, England, University of California Press, Ltd, 2003. 193 p.
18. Russell B. *A History of Western Philosophy*. New York, Simon and Schuster, 1967. 895 p.
19. Tselishchev V.V. Platonizm v matematike [Platonism in mathematics]. *ΣΧΟΛΗ*, 2014, vol. 8, Iss. 2, pp. 492–504.
20. Heidegger M. *Wegmarken*. Frankfurt am Main, Klostermann, 1976. pp. 123–175.

Дата поступления 20.10.2017